

Юрий Сергеевич Рытхэу стал первым профессиональным писателем Чукотки, основоположником литературы Крайнего Севера, которой до него не существовало.

Именно он проложил дорогу для всех последующих поколений литераторов этого сурового заснеженного края и одновременно через своё творчество открыл свою родину для всего остального мира.

Как сказал ещё один выдающийся представитель этого северного народа – председатель Чукотского окрисполкома с 1961 по 1970 гг. Анна Дмитриевна Нутэтэгринэ, – «как Колумб открыл Америку, так Рытхэу открыл Чукотку для остального мира».

А известный канадский писатель-северовед Фарли Моуэт, с которым Рытхэу был очень дружен, так охарактеризовал творчество своего чукотского собрата по перу:

«Рытхэу показал нам Север, вывернув медвежью шкуру наизнанку».

Самое интересное, что начал Рытхэу не как прозаик, а как поэт, написав в юные студенческие годы, когда он был студентом Ленинградского института народов Севера им. Герцена, несколько стихотворений и уже тогда заявив о себе как талантливый литератор.

Однако вскоре он перешёл на прозу, которая и вывела его на большую литературную дорогу и по которой мы и знаем его как выдающегося северного писателя.

И всё же поэтическое начало оставалось и в его прозе. Она вся пронизана поэтическим восприятием писателем окружающего его мира. Она вся поэтична, образна, метафорична.

Читая прозу Рытхэу, получаешь огромное эстетическое наслаждение, как если бы ты читал стихи.

Быть может, такое ощущение возникает потому, что вся генетическая, корневая система его уходит глубоко в недра прибрежной земли.

Ведь все его предки в течение тысячелетий жили на берегу Северного Ледовитого океана, были морскими охотниками, и сам он родился в Уэлене – древнем селении морзверобоев, и ритм дыхания океана неразрывно связан с биологическим циклом живущих здесь людей.

Отсюда и гармония в построении архитектоники произведений писателя.

Этот шум, ритм океана был в токе его крови, в биенье его сердца.

Родная Чукотка питала его живительными литературными соками всю его долгую жизнь.

Всё его творчество без остатка посвящено этой удивительной земле. В каждой строчке его произведений ощущается неизбывная сыновняя любовь к Чукотке, нежность и грусть переживаний за неё саму, за её людей – земляков писателя.

Безусловно, мировая литература (и в первую очередь русская классическая литература), которую он глубоко и скрупулёзно

изучал, оказала на его становление как личности и как писателя революционное влияние.

Без этого процесса не состоит-ся ни один писатель.

Шло взаимопроникновение и взаимообогащение различных культур, когда Рытхэу переводил на чукотский язык Пушкина, Толстого, Горького, Сёмушкина.

Его проза богата вековой мудростью народа, к которому он принадлежал, его верованиями, традициями, укладом жизни.

Рытхэу в своём творчестве выявил её глубокое философское и высоконравственное начало, показав остальному человечеству огромный духовный мир народностей Крайнего Севера, населяющих приарктическое побережье, и одновременно их хрупкость, беззащитность и ранимость, соотносимую с хрупкостью, ранимостью и беззащитностью самой северной природы в её столкновениях с современной технократической цивилизацией.

В какую бы политическую эпоху ни творил Рытхэу, – будь то советский строй, или нынешнее, малопонятное время, он всегда оставался верен одной идее – служению своей родине, далёкой Чукотке, и главными героями его романов и повестей оставались те, кто и олицетворял во все времена этот выстуженный и промёрзлый край, – простые оленеводы, морские охотники, – соль земли, её суть, её начало.

Трудно определить, какое произведение Рытхэу является главным, основополагающим в его творчестве.

Все они равноценны, – и «Сон в начале тумана», и «Когда киты уходят», и «Время таянья снегов», и «Самые красивые корабли», и

другие произведения писателя.

И в каждом произведении Рытхэу отстаивал достоинство и самодостаточность своего народа, защищал его право на ту жизнь, какой чукчи и эскимосы жили в течение тысячелетий.

Явно или завуалировано он протестовал против различных социальных экспериментов, навязываемых малым народностям Севера извне, но которыми впрочем, подвергались и все остальные народы бывшего СССР, в том числе и русского, – взять, хотя бы, насильственную коллективизацию, насильное переселение целых народов с их исконных мест проживания, объявление деревень неперспективными, а потому отправленных «под нож», искусственное объединение различных народностей, которые всегда до этого жили порознь, борьба с религией, и т.д., и т.п.

Все народы, проживавшие на территории бывшей советской империи, испытали одинаковые лишения, одни беды, одной из которых явилось пьянство, – самое типичное социальное зло, которому оказались подвержены в той же степени и русские, и чукчи, и эскимосы.

Подобно хирургу, только используя не скальпель, а обличительное перо писателя, вскрывая болезни общества, Рытхэу делает своё творчество публицистичным, ибо берёт он за основу те явления жизни, которые вопиют о необходимости избавления общества от его тяжёлых болезней.

Одним из таких произведений и стал его рассказ «Проводы русской зимы», основанный, как и все остальные произведения автора, на реальных событиях.

Это, скорее, даже не рассказ, а путевой очерк журналиста, в котором он обнажает главную, пожалуй, проблему для северных народностей, более всех (в силу своих физиологических особенностей) подверженных разрушительному и смертоносному воздействию алкоголя, и которая весьма актуальна и поныне, так как Чукотка, как это ни прискорбно признавать и о чём говорится на всех уровнях, занимает первое место в России по потреблению алкогольной продукции на душу населения (34 литра в год, считая глубоких стариков и новорожденных младенцев), отчего случаются разные беды.

Это самое настоящее социальное зло, с которым пока не найдены действенные меры борьбы.

Как и любой другой писатель, Рытхэу не даёт каких-то готовых рецептов, как нужно искоренить это зло.

Посредством своего писательского таланта он через картину бытописания, едва ли не фотографически, лишь обнажает суть проблемы, выворачивает её и показывает нам, чтобы мы в очередной раз посмотрели на себя со сторо-

ны и задумались над тем, а что же дальше? А куда же мы в конечном итоге придём, если всё будет продолжаться по-прежнему, – завоз в национальные сёла спиртного в немереных количествах, его продажа всем и вся и деланье денег на алкогольной беде.

Писатель, как глашатай общества, ставит проблему. Вопрос в другом – услышит ли его общество и что оно предпримет для решения этой проблемы, которая всё настойчивее заявляет о себе?

Все знают Юрия Рытхэу как писателя, прозаика, романиста, но сегодня мало кто помнит, что свою литературную биографию Юрия Сергеевича начинал как поэт.

Первые стихи молодого поэта были опубликованы в 1951 году в сборнике «Родное слово».

Затем он пишет ряд рассказов, которые печатались в центральных журналах «Огонёк», «Новый мир», «Сибирские огни».

В 1954 году вышла первая книга писателя – «Люди нашего берега» – сборник рассказов.

Проза всё же пересилила, но кто знает, не случись этого, быть может, сегодня мы бы знали Рытхэу как классика чукотской поэзии?

Первые стихи Юрия Рытхэу.

1954 ГОД.

ОСЕНЬ

Осень. С северной сторонки
Беспрерывно ветер дышит.
Шторм волну в лагуну гонит,
Поднимает воду выше.

Горы в снег вершины прячут.
Утро солнце греет хуже.
Ярко новым льдом сверкают
Застывающие лужи.

Лето кончилось. Не слышно
Птичьих криков под скалою.
Только гнёзда с пухом старым
Ждут, когда их снег укроет.

Море пенится, взывает,
Бок скалы волною шустрой
Лижет; на берег бросает
Кипы лент морской капусты.

Скоро вся земля камлейку
Шёлка белого натянет,
И поверхность снега хитро
Зверь следами испетляет.

РЕЧКА

По глубокому ущелью
Речка гонит пену,
Бьётся, бурная, о скалы,
Моеет камня стену.

Холодна вода, прозрачна,
Будто лёд хрустальный,
Словно зимний пар студёный, –
Так вода чиста в ней!

Только выйдет на равнину,
Сразу спрячет пену,
Разровняет волн морщины
И пойдёт степенно.

Вверх из моря в речку эту
Рыбки заплывают.
Птицы, разные по цвету,
На волнах ныряют.

Наконец большого моря
Речка достигает –
И, вливаясь в шум прибоя,
Вовсе исчезает.

*Перевод с чукотского
Н. Гуштегина, Ф. Чураенко*

ВЕСНА

Солнце щедрее тепло разливает,
Нехотя снег из низин отступает.
В радужном блеске сосульки весны
С крыш протянулись до мёрзлой земли.

Уток табун через отмель промчался.
Морж из пролива весне отозвался.
Люди колхоза у мягкого льда
К выходу в море готовят суда.

Первой весне своей рады, телята
Мчат по проталинам тундры, резвятся.
Прямо из снега цветочки встают.
Оленеводы в улыбках цветут.

Рады теплу и шумливые дети,
В дом не войдут до вечерней зари –
Старшим в делах помогают они.
Солнце земле до полуночи светит.

Неизвестный рассказ Юрия Рытхэу

БАНЯ

Баня – нымытран. Это одно из первых русских слов, услышанных мной. Те немногие мои земляки, которым довелось пройти испытания в этом мочном заведении, чаще всего повествовали о таком обилии горячей воды, в котором можно было заварить несметное количество чёрного кирпичного чая и несколько дней поить всё население нашего Уэлена, и ещё осталось бы для соседнего Инчоуна и эскимосского селения Наукан.

И ещё – жара. Невыносимая, душающая, от которой, однако, невозможно убежать, пока не выскоблишь себя дочиста.

Первая баня в Уэлене была на полярной станции, и туда ходили только тангитане(1) – сами работники полярной станции и учителя. Баню топил Рыппэль, наш земляк.

Он и первым из наших посетил это заведение. Его рассказ о горячем мытье слушали с величайшим интересом. По его словам вышло, что баня, кроме физических страданий, ничего хорошего не сулит луоравэтлану(2). Особенно парная, небольшая комнатка, куда подавался такой горячий и обжигающий пар, что в нём запросто можно свариться. Тангитане мало того, что с наслаждением парились и выражали удовольствие сладострастными стонами, ещё вдобавок хлестали себя вениками, связанными из полярной стелющейся берёзы, которая в изобилии росла в тундре за лагуной.

Кожа у тангитанов краснела так, что ещё немного, и из пор начнёт сочиться горячая кровь.

Нахлеставшись и надышавшись горячим паром, тангитане

выбежали на волю и с криком бросались в студёные воды уэленской лагуны. Баня как раз и была поставлена у самой кромки берега для этой мучительной процедуры.

Моя первая баня была в пионерском лагере чукотской культуры, на берегу залива Святого Лаврентия.

Мы вошли в полутёмную переднюю комнату, где вопреки моему ожиданию было довольно прохладно и пахло тёплой сыростью мокрого дерева. И всё же моё сердце стучало сильно и громко. Я старался не показать виду, что побаиваюсь, всячески храбрился, стараясь унять неожиданно возникшую дрожь.

– Ну что – замёрз! – весело спросил встретивший нас пионервожатый. – Сейчас будет жарко!

И тут я заметил в одном из углов подвешенные веники из полярной берёзы с пожухлыми листьями, вспомнил рассказ моего земляка Рыппэля о его банном приключении на полярной станции.

Мне захотелось заплакать и убежать. Пришлось напрячь всю свою волю: конечно, предстояли великие испытания и, возможно, даже страдания. Но ведь не смертельные. Насколько я помнил, вымывшиеся в уэленской бане полярной станции выходили отсюда весёлые, раскрасневшиеся. Но это тангитане...

С тяжёлым скрипом открылась толстая деревянная дверь, и на нас хлынул тёплый, сырой воздух.

Мы вошли в большую комнату с длинными скамьями, на которых блестели металлические тазики. Возле каждого тазика лежал кусок коричневого мыла и мочалка из жёлтой рогожи.

Пионервожатый подробно объ-

яснил, как нужно намыливать мочалку, сказал, что первым делом надо вымыть голову, стараясь при этом, чтобы мыло не попало в глаза и в рот.

Я старался скрупулёзно следовать указаниям знающего человека. Оказалось, что мытьё совсем не страшно и даже приятно. И всё же кто-то закричал, видно мыло всё же попало ему в глаза. Но наш пионервожатый промыл ему глаза свежей холодной водой и ещё раз наказал быть осторожнее с пеной.

Я несколько раз намылился, тщательно обмыл всё тело. С помощью товарища, сына нашего уэленского пекаря Пети, вымыл спину. Я с удивлением чувствовал, что мне становится легче, словно вместе с грязью с меня сходит что-то весомое, тяжёлое.

И вдруг пионервожатый сказал:

– Если кто хочет – может попариться.

«Вот оно! – подумал я. Наступает настоящее испытание!»

Пионервожатый распахнул почти незаметную дверь, и нас обожгло хлынувшим из глубины тёмной комнаты горячим паром. Мы невольно отпрянули назад, но наш храбрый вожатый отважно ринулся в горячий пар, размахивая берёзовым веником. Он исчез, и я был всерьёз обеспокоен его жизнью. Никто из моих друзей не осмелился последовать его подвигу, и мы оставались в тревожном ожидании, пока он не появился, к нашему облегчению, живой и невредимый, но красный, с выпученными глазами и тяжёлым дыханием.

Первая баня подарила мне необыкновенное ощущение неожиданно обрётённой лёгкости, и я с наслаждением понял, какое это блаженство иметь чистую, хорошо

промытую кожу. До пионерской бани я лишь изредка протирал лицо и руки свежей мочой перед тем, как идти в школу, а когда наступали каникулы, я с лёгким сердцем отказывался и от этой гигиенической процедуры.

Но первая баня запомнилась навсегда, и с тех пор, когда представлялась возможность, я никогда не пропускал случая, чтобы помыться в бане. В Уэлене, когда я перешёл жить в интернат в последние годы школьной жизни, вместо бани мы жарко натапливали одну из комнат, на плите натаивали из снега воду и таким образом мылись. Конечно, это была не настоящая баня.

В педагогическом училище мы ходили в анадырскую поселковую баню, построенную, по преданию, ещё русскими казаками. Хотя она и частенько топилась, но так быстро остывала, что образовавшийся на полу лёд не успевал оттаивать, и, чтобы не обморозить ноги, мы мылись в резиновых калошах.

Потом, уже в советские времена, в Анадыре построили роскошную баню с разными отделениями, хотя вода там была болотно-тундровая, коричневая, мыться и париться в этой бане было одно удовольствие.

И ещё одна примечательная баня была в моей жизни – в бухте Провидения. Тамошняя портовая электростанция для охлаждения своих агрегатов закачивала воду из бухты и тут же, уже горячую, выпускала обратно. Так продолжалось несколько лет, пока один

из умельцев-энергетиков не догадался с пользой для себя и своих товарищей устроить в одном из ангаров бассейн с сауной.

Когда я зимовал в бухте Провидения, с наслаждением и поутру, пряча лицо от студёного ветра, дующего с покрытого толстым льдом Берингова моря, бежал на электростанцию. В этот ранний час у бассейна находились только мужчины, в чём мать родила. Я торопливо сбрасывал с себя одежды и окунался в почти горячую, морскую солёную воду. Потом шёл в сауну и впитывал в себя обжигающий сухой пар.

Одна из дверей вела во двор, где находился деревянный настил. Несколько минут я стоял на этом настиле, пока полностью не покрывался белым инеем. Потом в таком виде – обратно в горячую воду бассейна.

Больше я такой бани нигде не видел.

Ходил в турецкие и немецкие бани. На Аляске, в Фэрбенксе, местный предприниматель финского происхождения Нило Коппонен «угощал» меня настоящей финской сауной, я сидел рядом с разгорячёнными аляскинскими девушками, совершенно голыми, что, конечно, сначала непривычно, но потом перестаёшь обращать на это внимание, тем более в детстве в меховом пологе я насмотрелся голых женских тел.

И всё же первая баня в бухте Святого Лаврентия, на первой чукотской культбазе, сохранилась в моей памяти на всю жизнь!

(1)Тангитаны, тангитане, таньги (чукот.) – буквально «чужие», так чукчи называли всех остальных людей.

(2)Луоравэтланы (чукот.) – так чукчи называли себя, буквально «настоящие, истинные люди».